

LI
ON

Серый

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

LI ON Серый

<https://litres.ru/73983153>

SelfPub; 2026

Аннотация

90е глазами подростка — первая книга дилогии для тех, кто готов увидеть мир без фильтров.

Дневник Алёны фиксирует взросление в эпоху хаоса: первые чувства, сложные выборы, столкновения с реальностью. Серый даёт опору, Эдик — пищу для размышлений.

История о том, как научиться видеть глубже, отвечать за решения и находить себя там, где нет «правильных» ответов. Истинное понимание ждёт того, кто вживется в эпоху и проникнется судьбами героев. Эта история заставит задать себе много вопросов, но не даст готовых ответов.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	48

LI ON

Серый

Глава

«Огрызок и люди»

В школьном коридоре, осенним днём 1996 года, звенел звонок — резкий, будто треснувший. Гул голосов наполнял пространство, но казался каким-то пустым, будто все говорили не по-настоящему. Хлопали двери кабинетов, ученики спешили по своим делам, но в этой спешке не было радости — только привычка и усталость.

Алёна стояла у окна, наблюдая за двором. Под старой берёзой, уже наполовину сбросившей листья, две вороны дрались из-за огрызка яблока. Одна клевала, другая скакала вокруг, затем они менялись местами. Огрызок был совсем маленьким, почти сгнившим, но птицы никак не могли поделить его.

Рядом с Алёной остановилась её одноклассница и лучшая подруга Катя. Она появилась тихо, без обычного смеха, и на мгновение Алёна даже не заметила её.

Катя была как солнечный луч, случайно пробившийся сквозь тучи: рыжие волосы заплетены в толстую косу, вес-

нушки рассыпались по носу и щекам, а глаза — серо-голубые, будто кусочек неба, забытого в этом хмуром дне. Обычно она улыбалась сразу и широко, но сейчас просто встала рядом, вздохнула и тихо сказала:

— Опять учителя на рынок ушли, — произнесла она негромко, почти шёпотом.

Алёна кивнула.

— Да, — подтвердила Алёна. — Видела, Лидия Петровна утром сумку взяла...

— Говорят, там в десять утра раздают то, что не продали, — добавила Катя, поправляя косу. — Представляешь? Как будто... как будто это всё, что у них осталось.

Они молча смотрели в окно, наблюдая, как Лидия Петровна выходит из школы, оглядывается и быстро направляется к рынку за углом. Её плечи были чуть сгорблены, сумка болталась на локте, а шаги — торопливые.

Алёна задумалась.

— Она вчера так здорово про растения рассказывала, — вдруг произнесла Алёна. — С таким увлечением... А сейчас идёт за этими... остатками.

Катя помолчала, потом тихо ответила:

— Ну, у неё же трое детей. Ей надо что-то домой принести. И знаешь... — она вдруг посмотрела на Алёну, и в её глазах мелькнуло что-то взрослое, недетское.

Алёна молчала, её взгляд был прикован к воронам. Птицы наконец разошлись, каждая унося по крошечному кусочку.

— Они просто хотят есть, — тихо произнесла Алёна.

— И учителя тоже, — также тихо ответила Катя. — И мы... мы тоже просто хотим, чтобы было нормально. Чтобы не стыдно было за то, что хочешь есть.

Вороны взмахнули крыльями и улетели. Алёна вздохнула.

— Пойдём в класс? — предложила Катя, но в её голосе уже не было привычной бодрости.

Алёна кивнула, и они направились в сторону класса, оставляя за собой осенний дворик, опавшие листья и мысли о том, как устроены судьбы людей и птиц.

В голове Алёны будто крутился невидимый кинопроектор: кадры с воронами сменялись сценами школьных уроков, а потом — титрами с именами учителей, каждый из которых нёс свой невидимый груз. Рядом шла Катя — рыжая, с косой за плечом, — и Алёна вдруг поняла: даже если мир унылый, в нём всё равно есть те, кто напоминает о солнце. Но от этого почему-то становилось ещё грустнее.

16 сентября 1996

Сегодня на перемене с Катей стояли у окна. Видели, как учителя на рынок пошли. А под берёзой вороны дрались из-за огрызка. Такой маленький, почти сгнивший, а они никак поделить не могут. И я вдруг поняла: и те и другие просто хотят есть. Не от жадности, а потому что надо.

И стало как-то грустно. Лидия Петровна вчера так ин-

тересно про тропические растения рассказывала — глаза горят, руками размахивает. А сегодня идёт за гнилыми яблоками... Почему так? Почему тем, кто нас учит, приходится вот так? Неправильно это.

Но я не знаю, что тут можно сделать. Просто сижу и думаю: а если бы у нас в семье не хватало еды, я бы тоже, наверное, пошла за такими остатками. И мне бы было стыдно, что кто-то видит.

Может, в следующий раз я просто подойду к Лидии Петровне и скажу: «Спасибо, что вы нас учит». Или улыбнусь ей как-нибудь по-особенному. Чтобы она почувствовала, что я её вижу и понимаю. Ладно, пойду спать. Завтра опять в школу.

25 сентября 1996

Вчера был мой день рождения. Тринадцать лет.

Все вокруг говорили: «Какой важный возраст!», а я просто кивнула и отошла к окну. Праздновали дома. Мама испекла торт — шоколадный, с масляным кремом. Свечи — тринадцать штук. Я задула их, все захлопали, а я смотрела, как тает воск на тарелке.

За столом сидели мама, папа, брат (он старше меня на пять лет) и Катя — моя лучшая подруга. Они смеялись, переговаривались, а я слушала — и как будто со стороны.

Папа сказал: «Ну, теперь ты подросток, пора взрос-

леть!»

А потом добавил с улыбкой: «Скоро кавалеры появятся, да, Алёна?»

Я только пожала плечами и промолчала.

Брат усмехнулся: «Да ей ещё рано о кавалерах думать».

Катя принесла букет из осенних листьев — жёлтых, красных, бурых.

«Красиво, правда?» — спросила она.

Я улыбнулась: «Да, очень. Спасибо».

И правда — красиво. По-особенному.

После чая Катя шепнула: «Слушай, а давай завтра после школы в парк? Я тебе кое-что покажу». Она улыбнулась, и я вдруг тоже улыбнулась в ответ — по-настоящему.

«Да, давай», — сказала я. — «С удовольствием».

Вечером, когда все разошлись, я взяла поводок и пошла гулять с Бартом. Он сразу запрыгал вокруг, вилял хвостом, будто знал, что мне нужно отвлечься. Мы пошли в наш обычный сквер. Барт бегал, обнюхивал кусты, гонялся за листьями. Я шла следом, пинала опавшие осинового цвета листья ногой. Фонари горели жёлтыми кругами, а за ними — темнота. Навстречу шли двое мужчин. Один всё время спотыкался и хохотал, другой поддерживал его под локоть и что-то напевал невпопад.

Когда поравнялись, первый махнул рукой: «Добрый вечер, девочка!»

«Добрый», — тихо ответила я.

Барт посмотрел на них и побежал дальше. Остановилась у скамейки, присела. Барт подбежал, ткнулся мокрым носом в ладонь, потом положил голову мне на колени. Я погладила его за ушами. Он зажмурился от удовольствия. Я смотрела на него и думала: вот кто точно не думает, «пора взрослеть», «скоро кавалеры», «ты уже подросток». Ему всё равно. Он просто рядом.

Завтра в школу. А после — в парк с Катей. Она ведь правда хотела, чтобы я пошла. Сидела ещё немного, потом встала: «Пойдём, Барт. Домой». Он вскочил и побежал вперёд, то и дело оглядываясь — не отстаю ли. Я шла и смотрела, как он бежит. И становилось чуть легче.

Ладно. Пора спать. Тринадцать. И... что-то меняется. Не знаю что. Но меняется.

Это странное чувство — будто старая дверь тихо скрипит, приоткрываясь навстречу чему-то новому.

«Право быть собой»

Перемена. В школьном коридоре было шумно: кто-то бежал на урок, кто-то спорил у расписания, кто-то громко смеялся у окна. Алёна стояла у подоконника, листала учебник по литературе — готовилась к пересказу.

К ней подошли Света и Марина из параллельного класса. Обе — в новых джинсах, с начёсанными чёлками, с видом тех, кто точно знает, «как надо».

— О, Алёна, — Света скривила губы. — А ты всё в том же свитере? Третий год подряд, да?

— И причёска... — подхватила Марина. — Как будто тебя током ударило.

Алёна закрыла книгу, повернулась к ним и спокойно спросила:

— А почему вас это так интересует?
Девушки на мгновение растерялись.

— Ну... просто странно, — пробормотала Света.

— Странно — это когда кто-то суёт нос в чужие дела, — улыбнулась Алёна. — Мне в этом свитере тепло и удобно. И причёска меня устраивает. А вам, похоже, очень важно, что я ношу. Почему?

Марина покраснела, а Света попыталась взять себя в руки:

— Да просто сказали...

— Понятно, — кивнула Алёна. — Просто сказали. Тогда давайте ПРОСТО не будем об этом.

Она отвернулась к окну, показывая, что разговор окончен. Света и Марина переглянулись и отошли к своей компании.

Алёна выдохнула и снова открыла учебник. Рядом уже

столпились ребята — Игорь, Паша и ещё кто-то. Кто-то листал газету, кто-то грыз яблоко, кто-то пересказывал вчерашний матч.

— Слыхали? — небрежно бросил Игорь, переворачивая страницу. — В старом колодце на Заречной девушку нашли.

По коридору прокатился шёпот — не испуганный, а скорее заинтересованный, как будто он сообщил, что завтра отменили математику.

— Да ладно! — оживился Паша. — Правда?

— А что милиция? — спросил кто-то.

— Да что милиция... — махнул рукой Игорь. — У них там, говорят, два оперативника на весь район. Один в отпуске, второй... ну, сам понимаешь.

Кто-то хмыкнул. Кто-то кивнул, будто это самая обычная новость — как погода или расписание автобусов.

— А девчонка-то кто? — спросила Марина, вернувшись к ним.

— Не знаю, — Игорь перевернул страницу газеты. — В газете не пишут. Только что возраст примерно шестнадцать.

— Жалко, — вздохнула девочка из младших классов. — Бедная...

— Да, — согласился Игорь. — Но что поделаешь. Сейчас везде так. У нас во дворе в прошлом месяце «девятку» угнали — так хозяин сам нашёл, через знакомых. Милиция даже не шевелилась.

Марина покачала головой:

— Папа говорит, нормальные люди туда не идут работать. Зарплаты копеечные, а работы — выше крыши.

— Зато у нас в подъезде новый участковый поселился, — вставил Паша. — Вроде нормальный. Вчера бабушке с пятого помог сумки донести.

— Один нормальный на район — это не система, — усмехнулся Игорь.

Все снова заговорили разом. Алёна слушала и вдруг поймала себя на мысли: самое страшное не то, что такие новости есть. А то, что мы уже привыкли их обсуждать вот так — между делом, пока ждём звонка на урок. Как погоду.

Катя тронула её за рукав:

— Пойдём? — шепнула она. — А то опоздаем.

Алёна кивнула. Они пошли к классу.

— Ты молодец, — тихо сказала Катя. — Я бы так не смог-

ла.

— Просто надоело, — улыбнулась Алёна. — Надоело оправдываться за то, что я — это я.

Алёна чувствовала, как внутри неё растёт тихая гордость. Не за победу в споре, а за право быть собой — без оправданий и извинений.

«Перекрёсток»

После уроков Алёна шла домой через парк. Листья шуршали под ногами, вдалеке лаяла собака. Она уже почти вышла к остановке, когда заметила знакомую фигуру у киоска с газетами.

Девушка стояла, небрежно прислонившись к киоску, в узких джинсах, кожаной куртке и высоких ботинках. Её волосы были уложены в стильную асимметричную стрижку, а в ушах блестели крупные серьги-кольца.

Алёна замерла на мгновение, не веря своим глазам.

— Геля? — неуверенно окликнула она.

Девушка обернулась. Это действительно была Ангелина — на два года старше. Раньше она жила в её дворе, и они дружили, пока семья Гели не переехала в другой район. Но сейчас она выглядела совсем иначе: совсем повзрослевшая, уверенная в себе, явно следующая какой-то новой моде.

— Алёна! — лицо Гели озарилось искренней улыбкой. —

При-и-и-иве-е-е-ет!

Они обнялись. Алёна вдруг почувствовала себя немного неловко в своём старом свитере и с привычной причёской — рядом с Гелей она вдруг показалась себе как будто ребёнком, хотя разница в возрасте была не так и велика.

— Ты так изменилась, — честно сказала Алёна.

— Да, время идёт, — Геля рассмеялась, поправив прядь волос. — Зато ты всё такая же. В хорошем смысле, — поспешила добавить она. — Мне нравится твоя простота.

— Спасибо, — Алёна слегка покраснела.

— Слушай, — вдруг сказала Геля, — а хочешь сегодня вечером с нами погулять? Мы обычно собираемся у такого синего ларька на остановке в моём районе в семь. У меня там классная компания: Вика, Серый, Тоха... Все довольно интересные. Иногда ещё кто-то подбегает по случаю.

Алёна замялась:

— Ну, я подумаю... Я же их не знаю. Да и район твой мне незнаком.

— Да чего там, — улыбнулась Геля. — Они нормальные ребята, быстро вольёшься. И потом, это же я тебя зову — значит, всё в порядке.

— К тому же, — она понизила голос, — у нас там Серёга играет на гитаре. Настоящий, между прочим, музыкант. Пишет свои песни.

— Песни? — заинтересовалась Алёна.

— Ага. И Вика умеет делать коктейли из газировки и си-

ропов. Ну, не настоящие, конечно, но вкусно. В общем, будет весело.

Геля внимательно посмотрела на неё:

— Или ты боишься?

— Нет, — Алёна выпрямилась. — Просто... непривычно.

— Вот и отлично! — Геля хлопнула её по плечу. — Приходи в семь. Если опоздаешь, мы, скорее всего, будем в районе нашей школы — найдёшь нас.

— Поняла. В семь у ларька, — кивнула Алёна.

Внутри у неё всё трепетало. С одной стороны, было страшно идти в незнакомую компанию, где все, похоже, уже «взрослые» и модные. С другой — очень хотелось увидеть другую сторону жизни, ту, что не сводилась к школьным насмешкам и разговорам об уроках.

— И знаешь, — добавила Геля, — надень что-нибудь... ну, не совсем обычное. Просто попробуй. Не обязательно радикально, но хоть чуть-чуть. Будет круто.

— Ладно, — Алёна улыбнулась. — Попробую.

— Вот и договорились! — Геля подмигнула. — До вечера.

— До вечера, — кивнула Алёна и помахала рукой.

Когда Геля отошла, Алёна ещё несколько секунд стояла на месте, переваривая случившееся. Потом глубоко вздохнула и пошла дальше. В голове крутились мысли: «Что надеть? Что сказать? А если они будут смеяться надо мной? Но Геля же позвала... Она не стала бы звать, если бы думала, что меня там обидят».

У подъезда её, как всегда, ждал Барт. Он радостно бросился навстречу, виляя хвостом. Алёна присела на корточки, обняла его и поцеловала в холодный влажный нос.

— Ну что, — тихо сказала она, — пойдём домой? Сегодня будет интересный вечер.

Барт гавкнул в ответ, будто соглашаясь.

Алёна улыбнулась и пошла к подъезду, чувствуя, как волнение смешивается с предвкушением. Впервые за долгое время она собиралась сделать шаг в какую-то новую, незнакомую сторону жизни.

Ветер слегка шевелил листья на деревьях, будто подбадривая Алёну: «Смелее, вперёд!»

«Улыбка из детства»

В тот день произошло что-то странное и в то же время очень... правильное, как показалось Алёне. Вечером она пошла гулять с Гелей, как они и договаривались. Подруга сказала: «Пойдём потусим с нашими, там Серёга будет — он классно на гитаре играет». Алёна тогда не придавала этому значения — ну Серёга, и что? Геля встретила её у ларька и повела во двор, где обычно собиралась её компания. Ребята сидели на лавочке: кто-то играл в карты, кто-то просто болтал. Геля сразу потянула Алёну к ним:

— Ребята, это Алёна, моя подруга. Алёна, это все наши.

А это Серый, он тут самый крутой гитарист.

Парень поднял глаза от гитары — и вдруг улыбнулся так, будто увидел кого-то очень знакомого. Алёна замерла, разглядывая его. Он был постарше неё года на три, высокий, с коротко стриженными тёмными волосами — стрижка простая, аккуратная, почти под машинку. Карие глаза смотрели тепло и чуть насмешливо. На нём была тёмно-синяя ветровка с капюшоном и тёплой подкладкой — как раз для октябрьской погоды. Под ней виднелась плотная футболка с чётким принтом рок-группы. Тёмно-синие джинсы прямого кроя сидели по фигуре, а на ногах — высокие кроссовки тёмного цвета с толстыми шнурками. На шее висел шнурок с небольшим металлическим кулоном, а на запястье — плетёный из шнура браслет. Пальцы, лежащие на грифе гитары, чуть потемнели от струн — видно, что он много играет. Сама гитара была не новая, но ухоженная: пара мелких царапин на корпусе, аккуратно заделанная трещина у резонаторного отверстия — похоже, инструмент для него много значил.

— Мы знакомы. Правда, давно, — сказал он, и голос у него оказался низкий, чуть хрипловатый, как после долгого пения.

И тут Алёна его узнала. Не сразу, нет — сначала просто показалось, что лицо очень знакомое. А потом картинка вспыхнула в голове: солнечный день, двор отдела милиции, музыка, конкурсы... Ей лет семь, она стоит в стороне, боится

подойти к другим детям. И вдруг подходит мальчишка постарше, берёт её за руку:

— Ты чего стоишь? Пойдём, там сейчас мячи будут раздавать для игры. Это Алёна, она с нами. Давайте её в команду!

Это был он. Серый. Тот самый мальчишка, который тогда втянул её в игру, отдал свою шоколадку («За то, что ты хорошо ловила!») и учил держаться на каруселях.

— Да, — улыбнулась Алёна. — Ты меня в игру позвал. И шоколадку отдал.

— Точно! — Серый рассмеялся. — Ты тогда так здорово мяч ловила. А сейчас во что играешь?

Алёна только пожала плечами — что тут скажешь? В школе — в волейбол на физкультуре, дома — с Бартом в догонялки. Но это как-то не то. Кто-то из компании попросил Серого сыграть на гитаре. Он достал инструмент, настроил струны — и вдруг небрежно бросил:

— Хочешь, научу пару аккордов?

— Да! — Алёна кивнула, стараясь скрыть, как ей приятно.

Он подвинулся, показал, как ставить пальцы на струны. Руки у него были тёплые, а пальцы — шершавые от струн. Алёна пыталась повторить, но у неё, конечно, ничего не получалось.

— Ничего, — усмехнулся Серый. — В следующий раз получится. Главное — не бойся.

Вокруг смеялись, разговаривали, кто-то принёс семечки, Вика разливала газировку по стаканчикам. Но Алёна почти

не замечала остальных — только Серого, его улыбку, то, как он терпеливо показывал ей аккорды. Когда начало темнеть, Геля предложила расходиться. Серый проводил Алёну до угла их дома.

— Ну что, — сказал он, — придёшь ещё? Научу тебя нормально играть.

— Да, — Алёна улыбнулась. — С удовольствием.

По дороге домой она всё думала об этом дне. О том, как странно устроена жизнь: они встретились, когда она была совсем маленькой, поиграли вместе, а потом потеряли друг друга из виду на годы. И вот — снова встретились. Будто кто-то специально всё подстроил. Дома Барт, как всегда, ждал у двери. Алёна обняла его, зарылась лицом в шерсть. Он фыркнул и лизнул её в щёку.

— Ну что, — сказала она ему, — сегодня был хороший день, правда?

Барт гавкнул в ответ, будто согласился. Теперь она сидела и думала: а что будет завтра? Впервые за долгое время ей казалось, что впереди — что-то интересное. И что самое странное — она совсем не боялась этого «интересного». Наоборот, ждала его. Мысли крутились в голове, переплетаясь с тёплым дыханием Барта рядом. Алёна чувствовала, как внутри растёт тихая уверенность: даже если завтра будет сложно, она справится. Потому что теперь у неё есть друзья, с которыми можно разделить и радость, и тревогу. И есть Барт, который всегда встретит у двери. Алёна легла спать. Ей

было тринадцать. И в ту ночь она засыпала с улыбкой.

27 октября 1996

Сегодня всё вышло как-то не так, как я ожидала.

Мы собрались у синего ларька — Геля, Вика, Антон, Макс и Серый. Серый держался особняком: почти не вступал в разговор, не доставал гитару, сидел, уставившись в асфальт, и монотонно крутил в пальцах медиатор. В этом движении было что-то навязчивое, будто он пытался разгадать какой-то шифр, скрытый в простых ударах по дереву.

— Серёг, ты в порядке? — не выдержала Геля.

— Всё нормально, — бросил он коротко, не поднимая глаз.

Ребята переглянулись, но никто не стал настаивать. Разговор переключился на привычные темы: новый фильм в кинотеатре, школьные сплетни, планы на выходные. А Серый будто растворился в тишине, стал частью осеннего пейзажа: серый асфальт, серые тени, серый оттенок его куртки.

Позже Геля незаметно подозвала меня:

— Алёна, ты заметила, какой сегодня Серый?

— Да, — кивнула я. — Что-то случилось?

— Прогулял пару дней в школе, — вздохнула Геля. — Задержался у кого-то из ребят, а потом махнул рукой — мол, уже нет смысла возвращаться. Ну и мама узнала...

— И что теперь?

— Теперь она требует, чтобы он «взялся за ум», не пропускал уроки. А он... сама видишь.

Я снова посмотрела на Серого. Его поза казалась одновременно детской и какой-то беззащитной: плечи слегка сгорблены, будто он хотел стать меньше, незаметнее. Но в глазах не было ни обиды, ни злости — только усталая пустота, как будто внутри у него выключили свет.

Недолго думая, я подошла и села рядом. Не стала задавать вопросов — просто положила рядом свою куртку, будто это был случайный, ничего не значащий жест. Потом предложила:

— Знаешь, в парке ещё не все листья опали. Пойдём поищем самые красивые? Те, что переливаются всеми оттенками жёлтого и оранжевого, будто маленькие огоньки среди серого октября.

Он поднял глаза, в них промелькнуло удивление. Помолчал, потом кивнул — коротко, почти резко, словно разрешил себе сделать шаг из тишины в обычный мир.

Мы отошли в сторону. Серый достал гитару, начал пе-

ребирать струны — сначала медленно, будто прислушиваясь к каждому звуку, проверяя, не фальшивит ли. Потом заиграл ту самую мелодию про фонари и дождь. Играл тихо, но с какой-то упрямой сосредоточенностью. Мне казалось, что каждая нота цеплялась за воздух, будто пыталась оставить след, прежде чем растаять.

Слушая его игру, я вдруг подумала о том, как странно устроена жизнь: слова часто оказываются слишком грубыми инструментами, чтобы выразить то, что творится у человека внутри. А музыка... музыка умеет говорить шёпотом, рассказывать истории без единого слова.

Постепенно к нам подтянулись остальные. Вика принесла газировку, Антон достал печенье, Геля включила на плере старую рок-песню. Серый перестал играть, но уже не отворачивался — слушал, кивал в такт, и в его движениях появилась тень прежней лёгкости, будто кто-то приоткрыл ставни в тёмной комнате, впуская робкий луч света.

— Серёг, сыграй ещё что-нибудь, — попросила Вика.

Он пожал плечами, но гитару взял. Сыграл пару песен — уже веселее, чем в начале. Даже улыбнулся, когда все захлопали. И в этот момент он снова стал «нашим» Серым — тем, кто умеет ловить настроение и делиться им через струны, кто может превратить тишину в музыку, а одиночество — в общее переживание.

На обратном пути я шла рядом с Гелей.

— И часто он так, когда проблемы? — спросила я.

— Бывает, но нечасто, — вздохнула Геля. — Просто замолчит, взгляд такой... отстранённый. Мы уже знаем: значит, что-то случилось. Но он не из тех, кто будет жаловаться вслух. Просто уходит в себя, перемалывает всё внутри, пока не найдёт свой ритм.

Дома я села за стол, открыла дневник. Пальцы ещё помнили шершавость струн, тепло медиатора, который Серый крутил в начале вечера. Его взгляд — усталый, но чуть светлее, чем вначале — будто первые лучи пробились сквозь тяжёлые облака после долгого дождя.

Что-то во мне перевернулось сегодня. Раньше я думала, что дружба — это в первую очередь веселье и общие приключения. А теперь понимаю: иногда дружба — это искусство быть тенью рядом, когда человек погружён в свой сумрак; это умение слушать паузы между словами, это знание, когда лучше промолчать, а когда — сказать что-то нейтральное просто в знак поддержки.

Это было не в громких словах и не в назидательных фразах. Это было в мелочах, в том, как:

Вика без лишних вопросов принесла газировку;

Антон не стал давить, а просто был рядом;

Геля не лезла с расспросами, а тихо поддерживала;

я бросила рядом с Серым свою куртку — будто напомнив:

«Я здесь. Если что — ты не один».

Иногда самые важные вещи нельзя выразить словами. Но

можно — жестами, паузами, мелодией, каплей света в конце туннеля.

Ладно. Пора спать. Тринадцать.

«Место, где можно просто быть»

Поздний ноябрьский вечер. На улице стало уже темно, фонари горели через один, под ногами хрустел подмёрзший снег. Серый, Антон, Алёна, Геля и Вика стояли у забора заброшенной стройки — другого места для встречи просто не было. Антон, высокий парень — ровесник Серого — с тёмными волосами, поёжился и спрятал руки в карманы. В его карих глазах читалось нетерпение, но на губах играла улыбка — будто холод был для него просто ещё одним испытанием, которое он готов принять:

— Ну и холодина... Долго ещё стоять тут?

— Куда идти-то? — вздохнула Геля. — У меня дома мать с отчимом опять ругаются. Не хочу туда.

— У нас гости, — покачал головой Серый. — Да и вообще, пятерых никто к себе не пустит. Сами знаете.

— Точно, — кивнула Вика. — Моя бабка сразу начнёт: «Кто это? А чего так поздно? А уроки сделаны?»

— Да и в подъезде торчат — менты прогонят, — добавил Антон.

Серый помолчал, потом тихо сказал:

— Есть вариант. Гараж. Отцовский. После его смерти он

так и стоит. Ключи у меня. Там печка есть, можно растопить. И место вроде прибранное.

Через десять минут они уже подходили к старому гаражу на окраине района. Серый долго возился с замком — тот заржавел, не хотел поддаваться. Наконец дверь со скрипом открылась. В лицо ударил тёплый, немного пыльный воздух — такой родной после ледяного ветра снаружи.

— Ух ты, — выдохнула Вика, переступая порог. — Тут даже пахнет... по-домашнему.

— Маслом и деревом, — улыбнулся Серый. — Отец всегда говорил, что это запах работы.

Первым делом Серый принялся растапливать печку: подкинул щепок, скомкал газету, чиркнул спичкой. Пламя вспыхнуло, поленья затрещали, и печка начала отдавать уютное тепло, прогоняя сырость и холод. Тени заплясали на стенах, а тусклая лампочка под потолком едва освещала пространство.

Антон достал пачку сигарет, предложил Серому:

— Закурим?

Серый кивнул, взял сигарету. Оба закурили.

Геля и Вика переглянулись. Вика покачала головой:

— Я не буду.

Геля промолчала, но сигарету не взяла. Алёна тоже отказалась:

— Мне и так нормально.

Пока печка разгоралась, ребята расселись кто куда: Вика

устроилась на диване, поправив свитер и согревая руки у огня, Геля прислонилась к верстаку, Алёна села рядом с печкой, Антон развалился на старом ящике, Серый присел на край печки.

— Тепло, — выдохнула Геля, протягивая руки к огню. — Наконец-то.

— Да, — кивнул Антон. — На улице уже невозможно торчать. Пальцы коченеют за пять минут.

— Зато тут можно хоть час сидеть, — добавила Вика. — И не мёрзнуть.

Серый достал гитару:

— Ну что, кто что хочет услышать?

— Давай что-нибудь жёсткое, — хмыкнула Геля. — «Гражданку» или «Кино».

— Или «Нау», — подхватила Вика.

Он заиграл — тихо, подбирая аккорды. Звуки гитары наполнили пространство, и постепенно стало ясно: это «Перевал». В тишине отчётливо прозвучало:

! Просто нечего нам больше терять...

Мелодия лилась плавно, но в ней чувствовалась внутренняя сила, будто эхо далёких гор. Алёна неволью начала покачивать ногой в такт, а Геля, задумавшись, провела пальцем по краю верстака, словно повторяя ритм.

Антон достал из рюкзака две банки пива:

— Ну, кто?

Девушки снова отказались. Антон пожал плечами, открыл

одну банку, сделал глоток.

— Слушайте, — вдруг сказала Геля, — а вы слышали, что Ленка из девятого с тем типом из ПТУ уже второй раз виделись?

— С каким? — насторожилась Вика.

— Ну с тем, который на «Яве». Он же на три года старше!

— И что? — поднял бровь Антон. — Зато у него мотоцикл.

— Да не в мотоцикле дело, — фыркнула Геля. — Он же её на прошлой неделе при всех за задницу схватил!

— Чего?! — Вика аж подскочила. — Серьёзно?

— Ага. Она потом ревела весь вечер. Но молчит — боится, что все узнают.

— Вот козёл, — процедил Серый. — Я его знаю. Он и в прошлом году с девчонками так же...

— А чего никто не вступится? — нахмурилась Алёна.

— А кто? — пожал плечами Антон. — Он с района, у него там свои. Если что — всей толпой придут.

— Да ну их, — Вика махнула рукой. — Лучше расскажите, кто ещё с кем встречается. Я слышала, что Мишка из 8-А с Наткой из 9-В уже целовался.

— Ещё бы, — хихикнула Геля. — Она сама всем рассказывает, как он её за школой зажимал.

— Фу, — поморщилась Алёна. — Так хвастаться...

— Зато все теперь знают, что она уже не «девочка-паинька», — подмигнула Геля.

— А помните, — вдруг сказал Антон, — как мы в шестом классе решили через забор мясокомбината перелезть?

— О, да! Мы тогда ещё кричали: «Бежим, это не наши собаки!» — засмеялся Серый.

— И так рванули, что я кроссовку потерял, — Антон изобразил бег на месте. — А охранник ещё вслед орал...

— А я тогда юбку порвала, — вздохнула Вика. — Мама потом неделю на мозги капала.

— Зато весело было, — улыбнулась Геля. — Сейчас так уже не побегаешь. Все серьёзные стали.

— Да какие серьёзные, — махнул рукой Антон. — Просто теперь знаем, где собаки, а где охранники.

Вика хихикнула:

— А ещё помните, как мы на стройке играли в «правду или действие»?

— Ой, да, — застонала Геля. — Мне тогда выпало залезть на третий этаж и крикнуть: «Я люблю физрука!»

— И ты крикнула! — хохотнул Серый.

— Конечно! А то бы все узнали, что я в пятом классе жвачкой к парте приклеилась.

Все расхохотались. Антон затушил сигарету:

— Ладно, давайте ещё сыграем. Серёг, давай что-нибудь заводное.

Серый заиграл новую мелодию — быструю, ритмичную. Ребята подхватили: кто-то начал подпевать, кто-то отбивал ритм. За стеной кружила метель, ветер стучался в дверь, но

здесь, внутри, было тепло и уютно. И каждый чувствовал: за этой дверью — их маленький островок безопасности, где можно сбросить напряжение дня. И главное — можно было говорить обо всём: и о стыдных историях, и о несправедливости, и о том, кто с кем встречается. Без страха осуждения, без оглядки на чужие уши.

С тех пор гараж стал их постоянным местом встреч. Сюда приходили не просто «согреться, поболтать, послушать музыку», а за чем-то более важным — за ощущением принадлежности, за возможностью быть собой. Парни иногда курили, иногда приносили пиво — но это никогда не становилось главным. Девушки пока не пробовали ни того ни другого, и никто их не уговаривал. Здесь не было правил — только понимание: каждый делает то, что хочет. Гараж стал символом их общей свободы и взаимной поддержки. И это было самое ценное.

«Зимний разговор»

Поздний зимний вечер окутал двор жёлтым светом фонарей, которые отбрасывали свои тёплые круги на заснеженную землю. Мокрый снег лип к скамейкам и скрипел под ногами прохожих.

Алёна стояла у подъезда, держа на поводке большого пушистого чёрного пуделя по имени Барт. Тот важно вышагивал по снегу, обнюхивал кусты и периодически останавли-

вался, чтобы оставить свою метку. Алёна куталась в куртку, дышала на замёрзшие пальцы и поглядывала на часы.

Из-за угла дома появился Серый. Он шёл медленно, то и дело оглядываясь в сторону подъезда — было видно, что он кого-то высматривал. Заметив Алёну, он на мгновение замер, а затем решительно направился к ней. Его уши и кончик носа уже покраснели от холода — было件нятно, что он ждал здесь уже довольно долго.

— Привет, Алён, — произнёс Серый чуть сдержаннее обычного.

— О, привет. Ты... ты что тут делаешь? — удивлённо спросила Алёна.

— Да вот... тебя ждал, — пожал плечами Серый, стараясь говорить небрежно.

— Давно? — сделала шаг ближе Алёна.

— Минут двадцать, наверно — ответил Серый, отводя взгляд.

— Извини, Барт сегодня решил весь двор обойти. Он у нас такой — серьёзный подход к прогулкам, — объяснила Алёна, слегка улыбнувшись.

— Логично, — кивнул Серый.

Барт заметил нового человека, подошёл ближе, обнюхал ботинок Серого и вилял хвостом.

— Привет, Барт. Хороший пёс, — погладил пуделя по голове Серый.

— Да, он у меня дружелюбный. Если кто-то на него громко крикнет — обидится, уйдёт в угол, но так просто не огрызётся, — сказала Алёна.

— Похож на некоторых людей, кстати, — заметил Серый.

— На кого? — подняла бровь Алёна.

— Да на меня, наверное. Когда мать начинает... ну, ты знаешь, — вздохнул Серый.

— Понимаю, — мягко ответила Алёна.

Они замолчали, он о чём-то задумался на несколько секунд. Где-то вдалеке проехала машина, нарушив монотонный ритм зимнего вечера.

— Алён, слушай... Может, завтра встретимся? — спросил Серый, чуть запинаясь, но твёрдо.

— Завтра? — удивлённо переспросила Алёна.

— Да. Днём... часа в три. В гараже. Я печку растоплю, чай сделаем, музыку послушаем... Поговорим спокойно, без спешки, — произнёс Серый; голос его звучал уверенно, хотя и не совсем ровно.

— В гараже? — уточнила Алёна.

— Ну да. Посидим, поболтаем... Просто по-другому, не как обычно, — сказал Серый; в голосе проскользнула неуверенная нотка.

— Ладно. Давай в три, — согласилась Алёна; на её лице проступила лёгкая улыбка.

— Отлично! Я к трём всё подготовлю, — с облегчением подтвердил Серый.

— Только недолго, ладно? Мне ещё сочинение по литературе писать, — предупредила Алёна шутливо.

— Конечно. На час-два, не больше, — улыбнулся Серый. Барт потянул её к подъезду.

— Ну, нам сюда. Пока! — сказала Алёна.

— До завтра, Лён! — попрощался Серый.

Они разошлись, оставив вечернюю тишину и скрип снега под ногами. Зимний вечер продолжал жить своей неспешной

ЖИЗНЬЮ.

15 ноября 1996

Вечер. Вернулась с Бартом после прогулки. Он теперь дремлет у батареи — наверное, устал от своего обычного ритуала: обхода двора. За окном темно, ветер шевелит ветки, в комнате только тиканье часов. Всё как всегда... но сегодня я ощущаю лёгкое волнение — будто внутри что-то потихоньку меняется.

Сегодня случилось нечто неожиданное.

Серый ждал меня у подъезда. Просто стоял на холоде, уши красные от мороза. Я не сразу поняла, что он ждёт именно меня. Потом он коротко бросил: «Ждал минут двадцать» — и сразу перешёл к главному:

«Давай завтра встретимся? Я печку растоплю... Поговорим спокойно, без спешки».

Его голос звучал неровно, чуть сбивчиво — будто слова давались с трудом. Когда я согласилась, он улыбнулся — широко, почти растерянно, и от этой улыбки у меня в груди что-то дрогнуло.

Но самым странным было другое. Он впервые назвал меня «Лён». Просто: «До завтра, Лён!» — тихо, почти неуверенно. Это новое обращение показалось мне неожиданным и немного смущающим.

Что это значило? Просто волнение? Или намёк на

что-то большее? Я не знаю. Но вместо тревоги внутри появилось тёплое чувство — как будто впереди ждёт что-то приятное и важное. Будто завтра начнётся новый этап — чуть отличающийся от того, что было раньше.

Завтра в три. В гараже.

Барт во сне пошевелил лапой — наверное, гонится за кем-то в своих собачьих снах. А я всё думаю: что будет завтра? Какие слова он подберёт? Будет ли он снова обращаться ко мне по-новому?

За окном тихо падает снег. Мир снаружи — спокойный, неизменный. А внутри меня — смесь волнения и любопытства. Не страх перед неизвестностью, а интерес и предвкушение. Будто я стою на пороге чего-то важного — и одновременно волнуюсь и жду.

Что он скажет? О чём мы будем говорить? И останется ли в его словах это новое, непривычное обращение — «Лён»?

«Построить по-своему»

Гараж был небольшим, но уютным. В углу стояла старая печка-буржуйка, от которой исходило приятное тепло. Серый успел навести порядок: смахнул пыль с верстака, разложил на нём две кружки, термос с чаем, шоколадку и пачку печенья. На стене висела гитара, рядом — полка с пластинками. У дальней стены стоял старый диван, накрытый клетчатым пледом. В воздухе пахло дровами и чем-то домашним.

Алёна открыла дверь, стряхнула снег с шапки и куртки. За ней в гараж проскользнул Барт, обнюхал порог и, убедившись, что всё в порядке, вошёл внутрь.

— Ух ты... Здесь так тепло! И уютно, — произнесла Алёна, оглядываясь.

Серый улыбнулся, но постарался это скрыть.

— Да, печка — вещь. Садись, я сейчас чай налью, — сказал он, взяв одну из кружек.

Алёна села на диван, сняла куртку и укуталась в плед. Серый налил чай, протянул ей кружку и сел рядом. Было заметно, как в каждом его движении сквозила нервозность — будто он одновременно был рад встрече и боялся начать разговор.

— С лимоном. Я помню, ты любишь, — сказал он.

В тишине потрескивали дрова в печке, за стеной гудел ветер. Барт устроился у печки, свернулся клубочком и закрыл глаза.

— Алён... Я ведь не просто так позвал тебя сюда. Мне нужно с кем-то поговорить. По-настоящему, — начал Серый, нервно перебирая пальцами будто хотел нащупать что-то.

Алёна внимательно посмотрела на него и наклонилась вперёд.

— Да, давай, я слушаю, — тихо произнесла она.

— В общем... я решил уйти из дома. На время. Может, совсем. Хочу разобраться в себе, — продолжил Серый. Его

голос дрожал, слова давались с трудом — было видно, насколько ему тяжело говорить об этом.

— Серёг, ты что?! Тебе же ещё шестнадцать! Куда ты пойдёшь? — воскликнула Алёна.

— Да куда-нибудь. Снимем комнату с кем-нибудь. Или в общежитии каком. Главное — самому. Хочу понять, как жить дальше. Тут всё как-то давит: школа, дом, эти разговоры про будущее, — объяснил Серый.

— Но ты же можешь это понять и дома, необязательно уходить? — спросила Алёна.

— Не могу. Мать орёт, плачет, закатывает истерики. Она так сильно в меня вцепилась, что просто не даёт дышать, — вздохнул Серый.

Какое-то время они сидели молча. Алёна пыталась подобрать нужные слова, но выходило не очень. В её голове пронеслись мысли: «Как ему помочь? Что сказать?»

— Серёж, но ты не думаешь, что это слишком — уходить? Может, есть другой выход? — осторожно спросила Алёна.

— Да, я и сам не уверен... устал от всего этого, — он помолчал немного. — Просто я не могу больше выносить её слёз, — сказал он и в словах почувствовалась горечь.

Они снова замолчали. Алёна видела, как напряглись мышцы на его шее, и понимала: это не просто слова — это предел.

— Ладно. Но на что ты жить будешь? Ты об этом подумал? — спросила Алёна.

— Ну... есть варианты. Подработка какая-нибудь, — ответил Серый.

— Что за подработка? — нахмурилась Алёна.

— Да так... кое-какие предложения. Ничего сложного. Платят нормально, — уклончиво ответил он.

Он сделал глоток чая, посмотрел на огонь в печке, потом резко перевёл взгляд на Алёну:

— Слушай, а ты вот говорила, что хочешь после института в Испанию... Расскажи — как ты это всё видишь? Ну вот приехала туда — и что дальше?

— Э-э...- Алёна сначала растерялась от резкой смены темы, но решила продолжить, — ну, сначала найду жильё. Может, комнату на первое время сниму. Потом начну искать работу — где нужен английский или испанский. Чтобы сразу практика была, — ответила Алёна.

— Понятно... А ты не боишься? Одна, в чужой стране, без знакомых... — спросил Серый.

— Боюсь, конечно. Но это же и круто! Новые люди, другая культура, шанс всё построить по-своему. Не хочу всю жизнь сидеть тут, ходить по одному маршруту: дом — работа, работа — дом... — ответила Алёна.

— Построить по-своему... — задумчиво произнёс Серый.

Алёна заметила, что Серый будто где-то далеко, но тут же вернулся из своих мыслей, когда она окликнула его:

— Серёж?

Серый вздрогнул и улыбнулся:

— Да-да. Просто... задумался.

Алёна поинтересовалась:

— О чём?

Серый ответил:

— Да так. Ни о чём конкретном. Просто... как это вообще

— строить по-своему? Что это значит?

Алёна оживилась, решив, что он открыт к разговору, и объяснила:

— Ну, это когда ты сам выбираешь. Куда идти, что делать, с кем общаться. Когда решения принимаешь сам — и отвечаешь за них.

Серый кивнул, покрутил кружку в руках и посмотрел на огонь:

— Понятно...

Алёна, после короткой паузы, спросила:

— А ты не боишься ошибиться?

Серый пожал плечами и спокойно, без эмоций, ответил:

— Все боятся. Но если не пробовать — так и останешься на месте.

Алёна мягко, с теплотой, сказала:

— Знаешь, мне страшно, но знай, я всегда на твоей стороне.

Серый не ответил прямо, а перевёл взгляд на Барта, который возился у печки, и заметил:

— Смотри, Барт наш плед под себя подмял. Совсем распоясался.

Алёна рассмеялась и отвлеклась:

— Да, он у нас главный в семье. Всё должно быть по евонному.

Серый улыбнулся, встал, подошёл к Барту и поправил плед:

— Ну-ка, товарищ, поделись территорией.

Барт вилял хвостом, тыкался носом в руку Серого, а потом улёгся, положив морду на лапы.

Алёна спросила:

— Кстати, ты вчера новую серию «Твин Пикса» смотрел? Мне только до середины удалось.

Серый сел обратно и взял печенье:

— А, да! Смотрел. И представляешь — в конце Купер опять видит этот странный сон про вигвам и карлика! Я вообще не понял, что это значит.

Алёна удивилась:

— Да ладно?! Вот это поворот! И что там было?

Серый, притворяясь шокированным, но с долей иронии, рассказал:

— Карлик ходит кругами и говорит какую-то абракадабру, а Купер пытается записать. А потом вдруг — бац! — просыпается, и оказывается, это всё ему приснилось... или нет?

Алёна подхватила:

— О, я тоже это видела! И ещё этот момент, когда совы летают ночью — и звучит эта жуткая музыка... Мурашки по коже!

Серый подтвердил:

— Точно! И потом шериф говорит: «Совы не то, чем кажутся». Вот это фраза! Сразу думаешь: а что же они тогда?

Алёна согласилась:

— Вот-вот! Давай завтра после школы — каждый у себя — смотрим новую серию, а потом созвонимся и обсудим? Может, разгадаем хоть часть загадок.

Серый кивнул, но без особого энтузиазма, скорее по инерции:

— Да, конечно. Созвонимся.

Барт, устав ждать внимания, забрался на диван и устроился между ними, заняв половину места.

Алёна вздохнула и погладила его по спине:

— Ну и кто тут главный?

Серый рассмеялся и почесал Барта за ухом — тот тихонько повизгивал от удовольствия:

— Главный — тот, кто вовремя напоминает, что пора перекусить.

Они достали печенье и поделились с Бартом — тот аккуратно взял угощение с ладони Алёны и вилял хвостом. Оба рассмеялись.

На улице всё ещё мела метель, но в гараже было тепло, уютно и спокойно.

Серый обратился к ней:

— Алён?

Алёна отозвалась:

— М-м?

Серый поблагодарил:

— Хорошо, что не грузишь. И что веришь в меня.

Алёна ответила:

— Всегда пожалуйста. И помни: если что — я рядом.

Серый кивнул, посмотрел ей в глаза и коротко, без лишних слов, улыбнулся.

Барт свернулся клубочком и окончательно заснул. Алёна смотрела на Серого и думала: «Всё наладится». Она не заметила, как в его взгляде на мгновение мелькнуло что-то твёрдое, окончательное. Но это длилось лишь долю секунды.

«Помощь в решении»

Катя и Алёна стояли у окна в школьном коридоре. За окном шёл ноябрьский дождь, капли стучали по асфальту, редкие прохожие торопились по своим делам, кутаясь в плащи.

Катя спросила:

— Опять не получится сегодня?

Алёна виновато ответила:

— Кать, прости... Геля сказала, что Серый будет играть в гараже. Они ждут меня там в семь.

Катя кивнула, смотря в окно:

— Понятно. Мама меня всё равно не отпустит. Говорит, вечером на улицах опасно, ты же знаешь, она следит за всей криминальной хроникой города.

Алёна вздохнула, понимая, что это правда. Она продолжила рассказывать:

— Да, и мне так жаль, что мы почти не видимся. Но я же всё рассказываю тебе! Вчера Серый играл «Кино» — «Пачку сигарет». Было круто.

Катя с удивлением заметила:

— Да, я заметила — похоже, он уверен в себе.

Алёна улыбнулась и продолжила:

— Точно! Он просто берёт гитару и играет... А ещё... Мы с ним вчера были в гараже одни. Он позвал меня специально.

Катя внимательно слушала:

— Да? И что было?

Алёна мечтательно рассказала:

— Там так уютно... Печка греет, пахнет дровами, Серый заранее всё приготовил: чай, печенье. И Барт был с нами — устроился у печки, свернулся клубочком.

Катя сказала:

— Звучит здорово.

Алёна добавила:

— Да. И он... он сказал, что хочет со мной поговорить. По-настоящему.

Катя с интересом спросила:

— О чём?

Алёна задумалась и слегка нахмурилась. Она рассказала:

— Он сказал, что хочет уйти из дома. Я так испугалась... начала его отговаривать, а он будто и сам не до конца уверен. Но что-то его сильно давит.

Катя уточнила:

— Дома проблемы?

Алёна кивнула и продолжила:

— Да, похоже. Он говорил про мать, что она слишком сильно его опекает... Я не совсем поняла, но видела, как ему тяжело.

Катя спросила:

— И что ты сказала?

Алёна ответила:

— Пыталась найти другой выход, но он как-то не слишком меня слушал. А потом вдруг резко сменил тему — начал спрашивать про Испанию, как я себе это всё представляю.

Катя заметила:

— Странно...

Алёна пояснила:

— Да! Я сначала не поняла, зачем он это. Но потом... кажется, он просто искал пример. Как можно жить по-своему, понимаешь? Когда ты сам выбираешь путь.

Катя уточнила:

— То есть он на тебя посмотрел — и подумал: «А может, и мне так можно?»

Алёна согласилась, кивнув:

— Наверное. Он даже сказал: «Построить по-своему...» Так задумчиво, будто пробовал эти слова на вкус.

Катя сделала вывод:

— Значит, ты его вдохновила.

Алёна, всё ещё с тревогой в голосе, ответила:

— Может быть. Но я всё равно переживаю. Он говорит про какую-то подработку, но звучит это подозрительно. И я не знаю, как ему помочь.

Катя поддержала:

— Ты уже помогла — выслушала. Это много значит.

Алёна замолчала, погружённая в свои мысли. Она чувствовала тепло от слов Кати, но в её голове всё ещё крутились вопросы.

— Он потом ещё спасибо сказал. За то, что я не давила и верила в него, — продолжила Алёна.

Катя улыбнулась и поддержала:

— Видишь? Ты для него важна.

Алёна задумалась, пытаясь найти ответ на свой вопрос:

— Да... И мне это приятно. Но я до сих пор не понимаю, почему именно меня он позвал. Почему поделился этим именно со мной?

Катя предположила:

— Может, потому что ты умеешь слушать и не осуждаешь?

Алёна мягко кивнула:

— Не знаю... Но мне нравится, что он мне доверяет.

Катя согласилась:

— Это дорогого стоит. И, возможно, он просто нашёл в тебе того человека, который поймёт и поддержит.

Алёна улыбнулась и тихо добавила:

— Может быть. Он даже говорил о том, как жить по-своему... Как будто искал ответ, как ему быть.

Катя с пониманием сказала:

— Возможно, ты действительно помогла ему найти правильный путь. И он это ценит.

Звонок прервал их разговор. Подруги переглянулись, кивнули друг другу — мол, продолжим позже — и вместе вернулись в класс, где одноклассники уже рассаживались по местам.

«Свет под дверью»

Алёна открыла дверь гаража — изнутри доносился смех,

запах горячего чая и корицы. Внутри уже собрались Геля, Вика и двое ребят из параллельного класса — Макс и Лёха. Они сидели вокруг печки, на верстаке стоял термос, тарелки с бутербродами и миска с печеньем.

Геля подняла голову и с улыбкой сказала:

— О, Алёна! Наконец-то. Проходи, мы тебя ждали.

Алёна зашла и отряхнула снег с куртки:

— Привет! А где Серый? Он же должен был играть...

Вика пожала плечами:

— А мы думали, он с тобой.

— Нет, я шла одна. Он мне ничего не передавал, не предупреждал... — ответила Алёна, чувствуя, как внутри нарастает тревога.

Макс добавил:

— Да, странно. Утром на перемене он всем сказал: «В семь в гараже, буду играть новое». И с тех пор его никто не видел.

Лёха вставил:

— Я к нему домой заходил — мать сказала, что не видела его с утра, как уходила на работу.

Алёна почувствовала, как внутри что-то сжимается. Она вспомнила вчерашний разговор с Серым: его тихий голос и

взгляд, в котором читалась решимость и одновременно какая-то растерянность. Её сердце сжалось.

Она попыталась сохранить спокойствие, проговаривая вслух то, во что отчаянно хотела верить:

— Может, задержался? Или в магазин завернул?

Геля с сомнением покачала головой:

— Да ну, на него не похоже... Хотя... — она задумалась на мгновение. — Слушайте, а ведь он и раньше так пропадал. Просто исчезал на пару дней — а потом появлялся как ни в чём не бывало.

Вика подхватила:

— Да, точно. И мать его к этому уже почти привыкла. Орёт на него каждый раз, конечно, но милицию уже не вызывает.

Макс настороженно произнёс, нарушая лёгкую атмосферу:

— А вдруг что-то серьёзное?

Все переглянулись. Алёна ощутила, как взгляды скрестились на ней — ведь она виделась с Серым накануне. Но в памяти всплыли его слова: «Спасибо, что не давишь». Он доверился ей. И если бы хотел, чтобы знали все, — сказал бы сам.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.